

Герой моей страны

Е. КУРТО, П. ТКАЧЁВ

ГОРНИСТ СОРОК ЧЕТВЁРТОГО ПОЛКА

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Это было совсем не похоже на пробуждение. Это было скорее продолжением какого-то кошмарного сна. Так и подумал Володя в первую минуту.

Он лежал не на своей солдатской койке, а на полу, и не в казарме, а в совсем незнакомом месте. В казарме – белый потолок, голубые стены, а здесь не видно ни стен, ни потолка.

Всё сплошь окутал чёрно-бурый туман, пахнувший порохом, битым кирпичом и ещё чем-то тяжёлым, удушливым. В казарме по соседству спят его друзья. А здесь никого нет, только перевёрнутые койки, рваные подушки и одеяла.

Война! И так неожиданно. Только вчера вечером, только вчера было так тихо, хорошо...

Нет, не может быть!

Выскочив из казармы, Володя быстро перебежал двор и, держась у стены, пополз к внешнему укреплённому валу. Хотелось увидеть своих, обменяться хоть несколькими словами. И, если это вправду война, взять винтовку и тоже защищать старую крепость.

Ничего, что ему ещё нет и четырнадцати лет, что ростом он меньше своих ровесников. Важнее другое – умение бить врага. А бить его Володя сумеет, наверное, не хуже взрослых бойцов. Недаром на последних учебных стрельбах именно ему командир 44-го полка майор Гаврилов объявил благодарность. Отлично стрелял горнист Володя Казьмин!

Со стороны Восточного форта долетал неумолкаемый треск пулемётов и автоматов, глухие взрывы гранат.

Там шёл яростный бой с врагами, там бился полк, воспитанником которого был Володя. Туда и надо было спешить. На минуту мальчик остановился. Дорогу пересекла женщина с ребёнком на руках. Волосы её были всклокочены, одежда разорвана, местами прожжена. Ребёнок был мёртв.

Мурашки забегали по спине Володи, слёзы подступили к горлу. И он окончательно понял: это война. Война, смерть, руины...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

– Идите за мной!

Этот спокойный, чуть хриловатый голос заставил Володю вздрогнуть: таким не-

ожиданным был он среди непрерывного грохота. Мальчик оглянулся и увидел лейтенанта с автоматом на груди и гранатами за поясом.

Короткими перебежками – лейтенант впереди, а Володя за ним – добежали до Восточного форта. В самый разгар боя. Прячась за танками, гитлеровцы шли в атаку. Один почему-то привлёк внимание Володи. Худой, длинный, с серебряными погонами, в высокой зелёной фуражке с белой кокардой. «Офицер», – мелькнула мысль.

Быстро присоединившись к красноармейцам, мальчик выстрелил из карабина. Длинный, взмахнув руками, упал на землю.

– Вот тебе, фашистская гадина! – сквозь зубы прошептал Володя и начал целиться в другого фашиста, который бежал с ручным пулемётом наперевес. И этот растянулся, не добежав до форта.

Но атака продолжалась. Поливая раска-

лённым металлом укрытия красноармейцев, на форт надвигались тяжёлые танки, под прикрытием которых бежали автоматчики.

«Танк пуль из винтовки не остановишь», – с тревогой подумал Володя и тут же радостно вскрикнул: один из фашистских танков вспыхнул и покосился набок.

– Здорово!

Прошла минута, другая, и брошенная чьей-то сильной рукой связка гранат остановила второй танк. Вскоре запылал и третий. Остальные повернули назад. Отступили и автоматчики.

Атака была отбита. Стало как будто бы тише.

Но тишина продолжалась недолго. На форт снова пошли фашистские танки; ударила артиллерия, затрещали пулемёты. И снова бойцы прижались к земле, снова один за другим начали падать гитлеровцы.

До самого вечера не прекращались атаки. Не жалея солдат, танков, боеприпасов,

немецкое командование хотело во что бы то ни стало уничтожить крепость в первый же день своего вероломного нападения на Страну Советов.

Но врагу это не удалось. Не удалось ему захватить крепость и на второй, третий, пятый день... Рушились старые стены, редели ряды защитников, но те, кто оставался в живых, держались стойко, стояли на смерть.

Как-то среди защитников Восточного форта во время затишья появилась девочка. Она искала горниста 44-го полка.

– Я горнист, – отозвался Володя.

ПРИКАЗ КОМАНДИРА

Девочка передала Володе приказ командира полка майора Гаврилова идти в госпиталь помогать санитарам. Откровенно говоря, Володе не хотелось оставлять форт. Тут он испытал, что такое настоящий

бой, тут впервые в жизни за отвагу командир от лица службы объявил ему благодарность. Но приказ есть приказ, и Володя пошёл следом за девочкой в госпиталь.

Госпиталь расположился под внешним валом, в здании с железобетонным перекрытием и толстыми стенами. Сюда не могли попасть бомба или снаряд. Врачи, санитары работали в относительной безопасности. «Потому меня сюда и направили, – подумал Володя, – мол, ещё ребенок, надо беречь». Раненых было много. Одни были без сознания и бредили, другие корчились от боли и скрежетали зубами, третьи лежали тихо, неподвижно и глядели в одну точку погасшими глазами. Всё это были тяжелораненые. Ни один легкораненый в госпитале не задерживался. Сделают ему перевязку, он закурит, схватит винтовку – и наверх.

А в госпиталь приносили всё новых и новых. Врачи и сёстры не успевали их перевязывать, не говоря уже о том, что многим требовалась немедленная операция. А тут ещё необходимо одних напоить, других накормить.

Всё это увидел Володя, и ему стало стыдно за свою недавнюю обиду на командирский приказ. В госпитале он был, наверное, нужнее, чем на обороне форта. Словно в подтверждение его мыслей мальчика вызвал главврач.

– Ледник знаешь где?

– Знаю. Под внутренним валом.

– Иди и носи оттуда лёд и продукты для раненых. Только будь осторожен – местность простреливается.

Так Володя стал интендантом госпиталя. Госпиталь – ледник, ледник – госпиталь... Этим маршрутом он пробирался по несколько раз в сутки. Туда с пустым мешком, а обратно – сгибаясь под тяжёлым грузом. И всё время завывали над головой

снаряды, визжали мины. Думать о своей безопасности было некогда. Льда и продуктов требовалось много, а доставлять, кроме Володи, было некому. Так прошло несколько дней. Главный врач госпиталя сказал Володе:

– Вот что, Вовка, приказ тебе будет такой – сначала как следует поешь, а потом можешь два часа отдыхать.

Два часа отдыхать?!.. Это время он проведет на своём Восточном форте с карабином в руках.

Володя пробрался на Восточный форт, где над головами защитников, которых осталось совсем мало, непрерывно жужжали пули и рвалась шрапнель.

**«СПАСИБО, СЫНОК, ДОБРОЕ
У ТЕБЯ СЕРДЦЕ...»**

А фашисты снова шли в атаку. Они знали, что в форте осталось совсем мало людей, что большинство складов с боеприпасами погибло под обломками стен и красноармейцы берегут каждый патрон,

каждую гранату. Фашисты знали об этом и потому шли на приступ во весь рост, засучив рукава, неторопливо и зловеще.

Красноармейцы молчали. Не стрелял и Володя, хотя давно уже взял на мушку правофлангового.

Гитлеровцы всё ближе и ближе. Всё сильнее сжимает Володя ложе карабина. «Почему нет команды, почему никто не стреляет?» – думает он.

Ещё минута-другая, и фашисты подойдут совсем близко!..

И вдруг короткое:

– Огонь!

Володя не слышал выстрела своего карабина. Он слился с дружным треском пулемётов и автоматов. Мальчик только почувствовал лёгкий толчок в правое плечо и увидел, как шлёпнулся на землю правофланговый.

Упали и другие гитлеровцы – кто подкошенный пулей, кто спасаясь от неё. Но красноармейцы не прекращали огня. Они расстреливали тех, кто полз и двигался короткими перебежками. Нельзя было допустить врага к форту: в рукопашной схватке трудно было бы устоять перед такой лавиной. И фашисты не выдержали, побежали назад.

Володя вздохнул с облегчением. Рядом с ним кто-то тоже громко вздохнул. Горнист обернулся и увидел пожилого усатого пулемётчика, старательно вытиравшего лицо платочком. Тот тоже смотрел на Володю.

– Ты откуда такой взялся? – спросил пулемётчик.

– А я в госпитале был, помогал. Теперь я тут... отпустили на два часа...

– Страшно? – в глазах пулемётчика заиграли лукавые огоньки.

– Не очень, – ответил Володя.

– Ты бы воды принёс, сынок. Ребята от жажды пропадают. Она, проклятая, сильнее, чем фашисты, донимает.

Принести воды! Легко сказать. А где её возьмешь, эту воду? В госпитале тяжело-

раненым и то дают по капле, не больше, а сами врачи и сёстры почти совсем не пьют. И всё потому, что во время первой же бомбардировки фашисты разбили водопровод. Чтобы добраться до Муховца или Буга, особенно днём, нечего было и думать. Вся местность простреливалась. Володя знал, что отдельные смельчаки ходят к Муховцу, и не без успеха. Значит, и он может пойти.

– Я вам, как стемнеет, принесу воды, – пообещал Володя. В июне сумерки сгущаются медленно. Кажется, и солнце уже давно зашло, а вокруг светло и видимость такая, как в пасмурный зимний день. Но хуже всего то, что непрерывно вспыхивает пламя разрывов, небо прорезают белые дуги ракет, осторожно прощупывают местность прожектора.

Долго лежал Володя в укрытии, дожидаясь удобной минуты. Вот яркий луч прожектора медленно прополз вдоль берега, скользнул по воде, на мгновение остановился и повернул назад. Погас, потом снова вспыхнул и принялся шарить по берегу и в реке. Это повторялось через равные промежутки времени.

Такими промежутками Володя и решил воспользоваться для перебежки. Сделать десять-двенадцать шагов, потом упасть в какую-нибудь воронку или за камень и ожидать, пока погаснет прожектор. Только бы фляжки не подвели. Их аж двенадцать, и некоторые не обшиты. Могут звякнуть.

План оказался удачным. До самой речки Володя добрался незаметно. Потом лёг в воду так, что на поверхности остался только нос, и начал наполнять фляжки.

Радуюсь успеху, Володя пробирался назад уже менее осторожно. И когда до прикрытия оставалось каких-нибудь пятнадцать-двадцать шагов, по нему внезапно скользнул и замер луч прожектора. Едва успел Володя броситься на землю, как, захлёбываясь, застрочил пулемёт, потом одна за другой рванули рядом три мины.

Мальчик лежал ни жив ни мёртв.

В ушах звенело, болела голова, руки и ноги почему-то перестали слушаться. Володя, попробовал подняться и сразу же потерял сознание.

Пришёл он в себя оттого, что кто-то влажной рукой провёл по его лицу.

«Фашисты!» – мелькнула страшная мысль. Володя рванулся, но на него цыкнули.

– Лежи, не двигайся! Мы свои, – прошептал кто-то. В это мгновение по ним скользнул луч прожектора. Володя успел разглядеть лицо того, кто говорил. Это был лейтенант, которого он встретил в первый день войны.

– Ползти сможешь? – спросил лейтенант.

– Кажется, смогу.

И вот они втроём – впереди лейтенант, за ним Володя, а сзади пограничник – поползли к крепости.

Через полчаса Володя был у Восточного форта. Светало. Было почти тихо. Только изредка доносились одиночные выстрелы или короткие пулемётные очереди. Володя нашёл пулемётчика и дал ему фляжку:

– Вот, пейте...

Пулемётчик осторожно, словно бесценное сокровище, взял в руки фляжку, поддержал немного и поднёс к губам. Закрыв глаза, он сделал несколько глотков.

– Ух ты! – его потряскавшие губы растянулись в счастливой улыбке. – Ну, теперь меня надолго хватит. Берегись, фашистский гад! – погрозил он кулаком.

– Вы пейте, пейте ещё, – сказал Володя.

– Спасибо, сынок. Доброе у тебя сердце, – сказал пулемётчик. – Только знаешь, есть у нас такая поговорка: сам съешь хоть вола – одна хвала. Другие тоже хотят пить. Вот и отнеси им. А мне пока достаточно.

От красноармейца к красноармейцу переходил Володя и давал каждому флягу. Бойцы брали её дрожащими от нетерпения руками, припадали к горлышку, но, как правило, глотнув два-три раза, отрывались и, отдавая фляжку назад, просили:

– Неси дальше. И там пить хотят...

Когда Володя вернулся обратно, было совсем светло. Началась новая атака.

Непрерывно били орудия и миномёты, один за другим пикировали бомбардировщики, сбрасывая на форт сотни килограммов смертоносного груза. Отстреливаться не было никакого смысла, и защитники форта лежали неподвижно в укрытиях.

После артралёта и бомбардировки Володя осторожно приподнял голову и посмотрел на усатого пулемётчика. Его лицо было в крови.

– Вы ранены? – испуганно спросил мальчик.

– Да, сынок. Побудь-ка у пулемёта, пока я заскочу вниз, сделаю перевязку.

Вскоре враг опять начал яростный артралёт. Снаряды рвались по всему форту. Один из них упал рядом с пулемётом.

Володя увидел только огромный сноп пламени и... полетел куда-то в тёмную бездну...

Володю контузило и он потерял сознание, очнулся он уже в фашистском плену, из которого потом сбежал, и помогал нашим бить фашистов до победного конца. После войны Вова стал передовиком производства, на одном из заводов Липецкой области. За оборону Брестской крепости награждён орденом Красной Звезды.

В начале войны Владимиру Казьмину не было и четырнадцати лет.

